

УДК 902/904

ББК 63.4(2)

## О роли М.Ф. Косарева в изучении ирменских древностей Западной Сибири\*

С.А. Ковалевский<sup>1</sup>, Д.В. Папин<sup>2,3</sup>

<sup>1</sup>Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва (Кемерово, Россия)

<sup>2</sup>Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

<sup>3</sup>Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

## The Role of M.F. Kosarev in the Study of the Irmen Antiquities of Western Siberia

S.A. Kovalevsky<sup>1</sup>, D.V. Papin<sup>2,3</sup>

<sup>1</sup>T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (Kemerovo, Russia)

<sup>2</sup>Altai State University (Barnaul, Russia)

<sup>3</sup>Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Рассматривается значение известного российского археолога Михаила Фёдоровича Косарева в процессе изучения ирменской культуры. Анализируются работы учёного 1960–1990-х гг., связанные с ирменской проблематикой (происхождение культуры, ее компонентный состав, ареал распространения, хронология, взаимодействие с другими культурами, исторические судьбы и т.п.). Показано, как шло формирование теоретических взглядов М.Ф. Косарева в отношении целого ряда проблем эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу. Отдельно анализируются его идеи, высказанные в 1960-е гг., с использованием собственных полевых исследований авторов и немногочисленных в то время научных трудов сибирских археологов. Продемонстрировано, как изменялись взгляды ученого на эволюцию ирменской культуры в 1970–1990-е гг. в рамках формирования целостной концепции развития западносибирских культур и общностей эпохи бронзы. Делается попытка проследить трансформацию представлений М.Ф. Косарева по основным изучаемым вопросам и показать, как его многолетние исследования повлияли на восприятие специалистами ирменских древностей.

**Ключевые слова:** эпоха поздней бронзы, переходное время от бронзы к железу, ирменская культура, Западная Сибирь.

DOI 10.14258/izvasu(2018)5-34

This article is devoted to the role of the famous Russian archaeologist Mikhail Fedorovich Kosarev in the process of studying the Irmen culture. Analysis is given to the works of the scientist that he wrote in the 1960s and 1990s, which dealt with various issues related to the Irmen problematic (the origin of the culture, its component composition, distribution area, chronology, interaction with other cultures, historical destinies etc). The article shows how the researcher developed his views on a number of problems of the late Bronze Age and the transition from Bronze to Iron. Separate analysis is given to his ideas expressed in the 1960s based on his own field research and a few then scientific works of Siberian archaeologists. The article considers the change in the views of M.F. Kosarev on the evolution of the Irmen culture in the 1970s and 1990s in the framework of the formation of an integral concept of development of West Siberian cultures and communities of the Bronze Age. An attempt is made to trace the transformation of M.F. Kosarev's ideas on the main issues studied and to show how his many years of research influenced the perception of the experts of the Irmen antiquities.

**Key words:** epoch of late Bronze, transition time from Bronze to Iron, Irmen Culture, Western Siberia.

\* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-11-22011 «Барнаульское Приобье в древности».

Михаил Фёдорович Косарев является одним из выдающихся представителей отечественной археологии. Его роли в археологии Западной Сибири посвящены работы В.И. Матющенко [1, с. 27, 32–33] и В.И. Молодина [2, с. 157–163]. Целью же данной статьи является рассмотрение вклада М.Ф. Косарева в изучение ирменской культуры.

Закончив в 1954 г. историческое отделение историко-филологического факультета Томского государственного университета, а затем и аспирантуру ИА АН СССР, М.Ф. Косарев, под научным руководством В.Н. Чернецова, подготовил к защите кандидатскую диссертацию, посвящённую изучению бронзового века Среднего Обь-Иртышья [3]. В ней, а также в целом ряде публикаций 1960-х гг., М.Ф. Косарев среди прочего рассматривал и проблематику ирменской культуры. Важно отметить, что исследователь одним из первых фактически поддержал выделение Н.Л. Членовой [4, с. 38–57] этой новой археологической культуры. И хотя территориальные рамки кандидатской диссертации М.Ф. Косарева затрагивали лишь северную периферию данной культуры, ее проблематика интересовала исследователя. Во многом это было связано с тем, что при подготовке им докторской диссертации, успешно защищённой в 1976 г., круг изучаемых культур и общностей эпохи бронзы расширился уже до масштабов Западной Сибири. Да и в последующие десятилетия специалист периодически затрагивал в своих работах вопросы, связанные с изучением ирменской культуры.

Анализ научных трудов М.Ф. Косарева, написанных в 1960-е гг. [5, с. 82–87; 6, с. 37–44; 7, с. 169–175; 8, с. 24–32; 9, с. 54–62; 10, с. 46–67], свидетельствует о том, что основные идеи (применительно к ирменской проблематике) были сформулированы уже тогда. В то же время выводы, полученные в те годы, основывались на достаточно ограниченном материале, что придавало им во многом вероятностный характер.

Еще в первой половине 1960-х гг. М.Ф. Косарев обобщил материалы эпохи поздней бронзы и переходного времени от бронзы к железу Среднего Приобья, выделив еловскую и молчановскую культуры [3, с. 9–11]. Полученные им выводы опирались как на результаты собственных полевых исследований (Десятовское поселение, городище Молчановская Остяцкая гора и др.), так и на достаточно квалифицированный анализ работ специалистов-археологов, занимавшихся проблематикой эпохи поздней бронзы (М.П. Грязнов, В.И. Матющенко, Н.Л. Членова и др.).

Материалы южной части Среднего Приобья он рассматривая как ирменские, объединил в рамках особого басандайско-ирменского типа и датировал IX–VIII вв. до н.э. (либо началом I тыс. до н.э.).

В качестве эпонимов М.Ф. Косаревым были использованы наиболее исследованные в то время ирменские памятники (Басандайское городище и поселение Ирмень-1). Однако термин так и не получил широкого признания в научной среде. Да и сам ученый в более поздних работах его уже не использовал.

Территорию ирменской культуры специалист ограничивал в тот период Нижним Притомьем, Новосибирским и южной частью Томского Приобья, что соответствовало степени изученности археологических памятников эпохи поздней бронзы в 1960-е гг. Исключением являлись материалы Барнаульского Приобья (комплекс памятников в урочище Ближние Елбаны), рассматривавшиеся тогда учеными в соответствии с концепцией М.П. Грязнова [11, с. 26–43] в рамках карасукской культуры (эпохи). Как известно, М.Ф. Косарев не являлся сторонником данной концепции. Хотя и стоит отметить, что в одной из ранних публикаций Р.А. Ураев и М.Ф. Косарев предлагали оставить термин «карасук» для обозначения всей культуры [9, с. 57–60].

Происхождение басандайско-ирменского населения М.Ф. Косарев связывал с генезисом еловской культуры. Вторая группа еловско-десятовской керамики, по наблюдениям специалиста, обнаруживает значительное сходство с ирменской по используемым орнаментальным элементам и мотивам, что, по его мнению, свидетельствовало о генетической преемственности [5, с. 82–87]. При этом андроновская основа в процессе формирования еловского и басандайско-ирменского населения для территории Среднего Приобья специалистом полностью исключалась. Это аргументировалось отсутствием андроновских памятников на данной территории. По мнению ученого, в основе происхождения еловской, ирменской и сузгунской культур лежит единый тоболо-иртышский (екатерининский) субстрат, что и придает им определённое сходство.

Вторым важным компонентом, повлиявшим на формирование ирменского населения, учёный называл карасукский компонент, попавший на территорию Нижнего Притомья и Приобья в результате миграции части населения из Минусинской котловины. Свидетельствами этой миграции специалист считал орнаментацию ирменской посуды, а также массовое распространение карасукских бронз, что привело в итоге к подавлению местной металлургии. По его мнению, культурная неоднородность ирменской культуры отражала реалии этнического взаимодействия самоедов, пришедших на территорию Среднего Приобья в конце II тыс. до н.э. (среднеиртышская линия развития), и представителей тибето-бирманской языковой группы (карасукцев), начавшие проникать сюда несколько позднее [7, с. 169–175; 8, с. 24–32].

Особое место в исследованиях М.Ф. Косарева начиная с 1960-х гг. занимали вопросы, связанные с реконструкцией хозяйственной деятельности, палеогеографией и палеоэкологией [12, с. 37–42]. Хозяйственно-культурный тип ирменского населения М.Ф. Косарев рассматривал как пастушеско-земледельческий, с тенденцией увеличения доли скотоводства, что объяснялось воздействием карасукского населения Минусинского региона. Происходившие в древности миграции населения М.Ф. Косарев связывал со сдвигами ландшафтных зон, систематически происходившими смещениями границ лесной и степной зон, что соответствовало существовавшим тогда представлениям о ксеротермическом периоде. Для обоснования своих выводов специалистом были привлечены результаты почвенного метода реставрации ландшафтных зон, связанного с изучением и картографированием деградированных черноземов. Археологические и палеогеографические наблюдения позволили исследователю провести реконструкцию миграционных и историко-культурных процессов. Так, сложение на юге западносибирской тайги ряда андронидных культур, а позднее и ирменского населения объяснялось М.Ф. Косаревым смещением во второй половине II тыс. до н.э. лесостепной зоны к северу (сухая климатическая фаза, по А.В. Шнитникову). Результатом такого смещения, по мысли автора, и стало освоение в еловское время значительной части Среднего Приобья населением южных пастушеско-земледельческих культур. В начале же I тыс. до н.э. наблюдается обратный процесс наступления леса на степь, что в свою очередь привело к продвижению северных таежных племен в южном направлении. Результатом такого продвижения стало распространение в северной части Среднего Обь-Иртышья памятников молчановского типа [6, с. 37–44; 13, с. 39–50].

Последующие десятилетия творческой жизни М.Ф. Косарева ознаменовались разработкой целостной концепции древней истории Западной Сибири, что нашло отражение в докторской диссертации (1976 г.) и целом ряде публикаций, среди которых выделяются монографические исследования: «Древние культуры Томско-Нарымского Приобья» (1974 г.), «Бронзовый век Западной Сибири» (1981 г.), «Западная Сибирь в древности» (1984 г.), «Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда» (1991 г.), «Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция» (1993 г.). Наиболее монументальный характер имело участие М.Ф. Косарева в написании тома «Эпоха бронзы лесной полосы СССР» из серии «Археология СССР» (1987 г.).

Анализ работ М.Ф. Косарева [13, с. 39–50; 14, с. 81–95; 15; 16; 17, с. 37–42; 18; 19; 20, с. 289–304; 21, с. 4–6; 22; 23] свидетельствует о том, что его кон-

цепция не была чем-то незыблемым, она постоянно совершенствовалась, автором в нее вносились коррективы, отражающие накопление фонда археологических источников, а также эволюцию научной мысли.

Начиная с 1970-х гг. в представлениях М.Ф. Косарева об ирменской культуре произошли определенные изменения, связанные со значительным увеличением количества исследованных специалистами памятников эпохи поздней бронзы на обширных территориях Западносибирской лесостепи. В этот период ирменская культура получила широкое признание в научном мире. М.Ф. Косарев как один из основоположников ее изучения в работах этого времени начал рассматривать ирменскую культуру в достаточно широких территориальных рамках. В некоторых работах ученый применял даже по отношению к ирменской культуре наименование «ирменская общность» [19, с. 41–42; 23, с. 105]. Однако никакого обоснования этому специалист не приводил, рассматривая, видимо, понятия культуры и общности как равнозначные. М.Ф. Косарев признавал наличие в ирменской культуре четырех вариантов: томского, новосибирского, верхнеобского и среднеиртышского (розановского). В своих работах ученый дал наиболее подробную характеристику прежде всего материалам томского и среднеиртышского вариантов [18, с. 168–180; 20, с. 291–296; 23, с. 105–108].

По его наблюдениям, ирменская культура занимала в древности территорию Обь-Иртышья, являясь составной частью обширного замараевско-ирменского (позднее названного М.Ф. Косаревым межовско-ирменским) культурно-хронологического пласта (ареала). Данное надкультурное образование было выделено специалистом для территорий Зауралья и южной части Западной Сибири [16]. Декларируемое сходство слагающих его культур, а именно замараевской (межовско-берёзовской) и ирменской, объяснялось общим андронидным субстратом, лежащим в его основе. Однако если происхождение первой связывалось с генезисом черкаскульской культуры, то формирование ирменских древностей представлялось как результат некоего карасукского воздействия на местные андроновские и андронидные группы населения. Стоит отметить, что само это воздействие рассматривалось специалистом как достаточно длительный во времени и разнонаправленный процесс, «следы» которого достаточно хорошо фиксируются начиная с рубежа II–I тыс. до н.э. в культурах эпохи поздней бронзы (еловской и ирменской). Интересно, что в качестве «очагов» карасукского воздействия были обозначены не только территории Минусы, но и глубинные районы Казахстана [18, с. 160–162, 173].

В других работах М.Ф. Косарев неоднократно возвращался к проблеме формирования ирменских

древностей. Так, уже в 1990-е гг., приняв в целом идеи А.В. Матвеева [24] о периодизации ирменской культуры, а также Ю.Ф. Кирюшина и А.Б. Шамшина [25, с. 137–158] о существовании в Барнаульско-Бийском Приобье самостоятельной корчажгинской культуры (ранее рассматривавшейся как вариант еловской), М.Ф. Косарев пришёл к заключению о формировании ирменской культуры на позднееловской и быстровско-корчажгинской основе, которая, в свою очередь, является результатом взаимодействия фёдоровской и гребенчато-ямочной традиций.

Отдельно специалистом был рассмотрен дандыбай-бегазинский феномен в процессе формирования ирменских древностей. Не отрицая участия дандыбай-бегазинских групп населения в ирменском культурогенезе, учёный считал, что вряд ли оно было значительным. По его мнению, дандыбай-бегазинские признаки гораздо более ярко проявились в своеобразии пахомовской, еловской, а также молчановской культур. Наличие же бегазинских признаков в ирменских древностях, по мнению специалиста, связано скорее с пережиточным влиянием фёдоровских традиций и могло проявиться там, где потомки фёдоровского населения сохранили этническую чистоту [23, с. 105–106].

Говоря о хозяйственной деятельности ирменского населения, М.Ф. Косарев выступил с критикой точки зрения М.П. Грязнова [26, с. 17–32] о формировании карасукского населения Верхнего Приобья на андроновской основе, ставшего результатом смены хозяйственной деятельности (переход от пастушеско-земледельческого хозяйства к полукочевому яйлажному). Сам же М.Ф. Косарев, опираясь на полученные к тому времени результаты изучения материалов эпохи поздней бронзы, полагал, что существенных изменений в хозяйстве ирменского населения по сравнению с андроновской эпохой не произошло. Как и в андроновское время, хозяйство продолжало оставаться многоотраслевым, при доминировании производящих форм. По результатам изучения остеологических материалов ирменских поселений Новосибирского Приобья и лесостепного Прииртышья было установлено преобладание в стаде крупного рогатого скота, а также невысокий удельный вес лошади. Констатировав знакомство ирменского населения с земледелием, М.Ф. Косарев предположил его пойменный характер. Да и само расселение ирменского населения по берегам крупных рек, у широких плодородных и не боящихся засухи пойм, определялось, по мнению специалиста, прежде всего нуждами скотоводческо-земледельческого хозяйства [18, с. 172–173, 226–228].

В последующем М.Ф. Косарев дополнительно аргументировал становление пастушеско-земледель-

ческого хозяйства у ирменского населения Западно-Сибирской равнины, выделив в качестве причин не только аридизацию климата, которая привела к нарастанию экологического кризиса и постепенному оседанию степняков на территориях речных долин, но и формирование благоприятных экологических условий в степной и лесостепной зонах для разведения копытных животных и выращивания злаковых культур. Еще ранее [19, с. 55–56], проследив тенденцию повышения в ирменском стаде лошади и мелкого рогатого скота, М.Ф. Косарев отмечал, что традиционное для местного населения пастушество, предполагающее сенокосение и преобладание в стаде крупного рогатого скота, было целесообразным лишь при невысокой численности стада. Переход же к кочевому скотоводству, неизбежно сопровождавшийся увеличением в стаде животных, способных круглогодично питаться подножным кормом (лошадь и мелкий рогатый скот), был оправдан лишь при резком количественном возрастании стада. В конечном итоге, наметившаяся тенденция к развитию кочевому скотоводству, как отмечал М.Ф. Косарев, так и не была реализована ирменским населением по причине того, что наиболее экологически целесообразным на занимаемых ими территориях всегда было многоотраслевое, пастушеско-земледельческое хозяйство. Высказав идею о циклической смене «зимников» и «летников», специалист аргументировал её тем, что крупные стационарные ирменские поселения, расположенные в речных поймах, могли использоваться в основном как сенокосные луга и зимние пастбища. Резкое увеличение поголовья скота заставляло ирменских пастухов отгонять в летнее время стада в открытые степи. Все эти процессы сопровождались дальнейшим развитием производительных сил, что выразилось в развитии медной и бронзовой металлургии [22, с. 42–46].

Определенную эволюцию претерпели взгляды М.Ф. Косарева по вопросу последующей трансформации ирменской культуры, знаменовавшей наступление переходного периода от бронзы к железу. Данный период рассматривался учёным в качестве самостоятельной исторической эпохи, которую он датировал VIII–VII или VII–VI вв. до н.э. Наступление переходного периода связывалось специалистом с активизацией северных таёжных культур, что сопровождалось продвижением групп северного населения в предтаежную зону Зауралья и Западной Сибири. Результатом этого, по мнению М.Ф. Косарева, стало формирование на этих территориях синкретичных культур гамаюнско-молчановской общности (красноозерской, молчановской, гамаюнской). На территории же Верхнего Приобья фиксируются группы населения, использующие посуду поздних молчановско-красноозер-

ских вариаций. Их происхождение исследователь связывал с миграционными процессами с территорий Нижнего Прииртышья и Сургуты, вступавших на территории Верхнего Приобья во взаимодействие с потомками местного ирменского населения. Результатом этого взаимодействия стало формирование завьяловских памятников, рассматриваемых первоначально М.Ф. Косаревым в качестве одного из вариантов большереченской культуры (по М.П. Грязнову). Было обращено внимание и на культурные отличия памятников переходного времени Новосибирского и Алтайского Приобья, отражающие, с точки зрения М.Ф. Косарева, степень участия в их формировании северного населения. Так, если для памятников большереченского этапа большереченской культуры Алтайского Приобья решающим признавалось ирменское наследие, то по отношению к памятникам завьяловского типа Новосибирского Приобья влияние северных традиций (близких к гамаюнской культуре) воспринималось как более значимое.

Процессы, происходившие в финале эпохи бронзы и в канун переходного времени, по мнению М.Ф. Косарева, затронули и носителей андронидной и гребенчато-ямочной орнаментальных традиций, вынужденных мигрировать из южно-таёжного Зауралья, таёжного Прииртышья и Нарымского Приобья на южные территории Верхнего Приобья, Петропавловского Поишимья и Верхнего Приобья. Соответственно, появление еловской керамики на территориях Новосибирского и Алтайского Приобья трактовалось специалистом как результат миграции позднего еловского населения по долине Оби в позднеирменское время [17, с. 37–42; 18, с. 181–205].

Позднее процесс миграции в лесостепную зону северных андронидных культур (еловской и сузгунской) стал рассматриваться М.Ф. Косаревым как более масштабное явление, охватившее не только Верхнее Приобье, но и Барабинскую лесостепь. По наблюдению специалиста, продвинувшиеся с территории северотаежного Приобья в предтаежное и южнотаежное Обь-Иртышье носители крестово-ямочной традиции (атлымская культура) частично ассимилировали, а частично и вытеснили отсюда на юг андронидные еловские и сузгунские группы. Результатом стало формирование на этих территориях андронидных памятников (Корчажка-V, Новочекино-III и др.), синхронных ирменским. Кроме того, специалист полагал, что пришлые андронидные группы приняли участие в формировании позднеирменского и раннебольшереченского населения. Финал бронзового века ознаменовался также проникновением на территорию, занятую ирменской культурой, северного завьяловского и степного дандыбай-бегазинского населения. Подобные

миграции М.Ф. Косарев считал эпохальными закономерностями, вызываемыми экологическими изменениями, а также последовавшим кризисом традиционного хозяйства и поиском новых возможностей его ведения [20, с. 289, 295–302, 314; 21, с. 4–6; 22, с. 21; 23, с. 105–106].

В 1990-е гг. взгляды М.Ф. Косарева о культурогенезе в переходное время от бронзы к железу пережили определённую трансформацию. Он поддержал выделение Т.Н. Троицкой [27, с. 54–68] самостоятельной завьяловской культуры для территории Новосибирского Приобья, которую он датировал VIII–VII/VI вв. до н.э. Позднеирменские памятники, выделенные ранее В.И. Молодиным в самостоятельную культуру [28, с. 110–112], а А.В. Матвеевым в заключительный этап ирменской культуры [29], М.Ф. Косарев предложил рассматривать в виде отдельного культурного образования. По его мнению, распространение ирменской культуры на два историко-археологических уровня (эпоха бронзы и переходное время) нельзя считать методологически правильным. Памятники Барнаульско-Бийского Приобья, вслед за В.А. Могильниковым [30, с. 151–154] и А.Б. Шамшиным [31] были выделены в самостоятельную большереченскую культуру переходного времени, датированную VIII–VII вв. до н.э. Изменения произошли и в представлениях исследователя о роли ирменского населения в процессе генезиса большереченской культуры переходного времени. М.Ф. Косарев согласился с выводами А.Б. Шамшина [32, с. 119] о преимущественно корчажнинской основе большереченской культуры. Роль же ирменского компонента в этом процессе была признана менее значимой. Сформировавшиеся в переходный период на бывшей ирменской территории культуры (позднеирменскую, завьяловскую и большереченскую) М.Ф. Косарев считал родственными, сложившимися на единой основе при наличии в каждой из них различной доли северных элементов [23, с. 113–116, 122–124; 33, с. 229–231].

Таким образом, за достаточно длительный период изучения М.Ф. Косаревым ирменских древностей его отношение к данному культурному образованию претерпело определённую эволюцию. Это коснулось как представлений о его территориальных границах, так и вопросов, связанных с участием и ролью различных этнокультурных компонентов в процессах формирования и эволюции ирменской культуры.

Вместе с тем необходимо констатировать, что именно научные разработки М.Ф. Косарева по целому ряду позиций были приняты большинством специалистов и легли в основу представлений об ирменской культуре, сложившихся в сибирской археологии начиная с 1970-х гг. Сюда следует отнести представления: 1) об андронидной основе формиро-

вания ирменской культуры; 2) о ее хронологической позиции в рамках IX–VIII вв. до н.э.; 3) о существовании на территории юга Западной Сибири межовско-ирменского культурно-хронологического пласта (ареала). Приоритет принадлежит М.Ф. Косареву

и в решении ряда других проблем (разработка понятия «переходное время от бронзы к железу», реконструкция палеогеографических изменений древности, а также хозяйственной деятельности населения Западной Сибири эпохи поздней бронзы).

### Библиографический список

1. Матющенко В.И. Археология Сибири 1960 — начала 1990-х гг. Проблематика. — Омск, 1995.
2. Молодин В.И. К 70-летию Михаила Фёдоровича Косарева // В.И. Молодин. Очерки истории сибирской археологии. — Новосибирск, 2015.
3. Косарев М.Ф. Бронзовый век среднего Обь-Иртышья : автореф. дис... канд. ист. наук. — М., 1964.
4. Членова Н.Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири // Советская археология — № 23. — М., 1955.
5. Косарев М.Ф. Десятковское поселение // КСИА. — Вып. 97. — М., 1964.
6. Косарев М.Ф. Бронзовый век лесного Обь-Иртышья // Советская археология. — 1964. — № 3.
7. Косарев М.Ф. О происхождении ирменской культуры // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. — М., 1964.
8. Косарев М.Ф. Некоторые проблемы древней истории Обь-Иртышья // Советская археология. — 1966. — № 2.
9. Ураев Р.А., Косарев М.Ф. Памятник карасукской эпохи // Труды Томского областного краеведческого музея. — Т. VI, вып. 2. — Томск, 1963.
10. Баранес А.П., Косарев М.Ф., Славнин В.Д. Еловский археологический комплекс // Ученые записки Томского гос. ун-та (ТГУ). — № 60. — 1966.
11. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка // Материалы и исследования по археологии. — № 48. — М.; Л., 1956.
12. Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1979.
13. Косарев М.Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II и I тысячелетий до н.э.) // Советская археология. — 1971. — № 2.
14. Косарев М.Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири в эпоху бронзы // Советская археология. — 1972. — № 2.
15. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. — М., 1974.
16. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири : автореф. дис. .... д-ра ист. наук. — М., 1976.
17. Косарев М.Ф. К проблеме палеоклиматологии и палеогеографии юга Западно-Сибирской равнины в бронзовом и железном веках // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. — Томск, 1979.
18. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. — М., 1981.
19. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. — М., 1984.
20. Косарев М.Ф. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзового века к железному // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. Археология СССР. — М., 1987.
21. Косарев М.Ф. Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смена культур и миграции в Западной Сибири. — Томск, 1987.
22. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. — М., 1991.
23. Косарев М.Ф. Из древней истории Западной Сибири. Общая историко-культурная концепция. — М., 1993.
24. Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1985.
25. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. — Барнаул, 1987.
26. Грязнов М.П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири // КСИЭ. — Вып. XXIV. — М., 1955.
27. Троицкая Т.Н. Завьяловская культура и её место среди лесостепных культур Западной Сибири // Западная Сибирь в древности и средневековье. — Тюмень, 1985.
28. Молодин В.И. Некоторые проблемы переходного от бронзы к железу времени в Новосибирском Приобье и лесостепной Барабе // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства. — Кемерово, 1979.
29. Матвеев А.В. Ирменские поселения лесостепного Приобья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1985.
30. Могильников В.А. Эпоха поздней бронзы Верхнего Приобья и проблема происхождения большереченской культуры // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. — Барнаул, 1988.

31. Шамшин А.Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время в Барнаульско-Бийском Приобье (XII–VI вв. до н.э.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1988.

32. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе раннего железного века в Барнаульском При-

обье (VIII–VI вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. — Тюмень, 1989.

33. Косарев М.Ф. Рецензия на монографию Н.Л. Членовой «Памятники конца эпохи бронзы в Западной Сибири» // Российская археология. — 1996. — № 3.